

УДК 94(476)«1863/1864»

ПРОШЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863 – 1864 гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

канд. ист. наук, доц. **Е.В. СЕРАК***(Белорусский государственный медицинский университет, Минск)*

В статье рассматривается источниковедческий потенциал прошений участников восстания 1863 – 1864 гг. Используя данные фондов Национального исторического архива Беларуси, НИАБ в г. Гродно, Литовского государственного исторического архива показан информационный ресурс прошений для изучения вопроса взаимодействия ссыльных участников восстания 1863 – 1864 гг. с институтами власти Российской империи. Отмечается, что прошения образуют сектор делопроизводственной документации, позволяющий определить порядок рассмотрения, подачи и принятия решения по ходатайству участников восстания и их близкого окружения, с учетом социально-правового положения участников восстания в ходе судебного-следственного процесса и в ссылке. Проводится обзор проблем повседневной жизни, с которыми обращаются участники восстания 1863 – 1864 гг. в государственные инстанции: решение вопросов об изменении наказания, условий содержания, оформление семейно-брачных отношений, предоставление возможности окончания образования и получения диплома, открытия католических приходов и школ. Обращает на себя внимание процедура подачи, рассмотрения и принятия решения по ходатайству участников восстания и их близкого окружения.

Ключевые слова: прошения, участники восстания 1863 – 1864 гг., Сибирь, администрация, регулирование, фонды, ссылка.

Введение. Одной из форм наказания участников восстания 1863 – 1864 гг. стала ссылка в Сибирь. Во второй четверти XIX в. ссылка оформляется как самостоятельный вид наказания, состоящий в удалении как в судебном, так и в административном порядке политических противников на определенный срок или бессрочно. Места ссылки определялись в широких пределах, включали территорию Европейской России, Западную и Восточную Сибирь.

Среди многообразия источников, содержащих сведения о ссыльных участниках восстания 1863–1864 гг., в Сибири необходимо выделить распространенную и содержательную группу просительных документов (прошения). Во многих из них описываются те факты из жизни повстанцев, которые не нашли отражение в иной делопроизводственной документации. Прощения являлись важным каналом взаимодействия между властью и лицами, состоящими под надзором по месту жительства и в ссылке. Их изучение позволяет выявить основные проблемы, с которыми сталкивались участники восстания 1863 – 1864 гг., и степень удовлетворения ходатайств поднадзорных в местах содержания в заключении, а также в местах вынужденного проживания в ссылке, реконструировать ряд сторон их повседневной жизни, описать специфику правового и материального положения ссыльных и их семей.

Особенно ценными для раскрытия данной темы необходимо признать материалы делопроизводства, которые находятся в составе отдельных архивных фондов следственных комиссий, учрежденных по делам о восстании 1863 – 1864 гг., а также в фондах «Временного военного губернатора Минской губернии и командующего войсками», «Канцелярии Витебского гражданского губернатора», «Канцелярии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора» Национального исторического архива Беларуси и Национального исторического архива г. Гродно, Литовского государственного исторического архива [1–6]. Эти фонды представляют собой наибольший комплекс документов по истории осуждения и ссылки участников восстания 1863 – 1864 гг. из Северо-Западных губерний. Прощения осужденных в ссылку и их родственников к министру внутренних дел, губернатору, исправнику – это тот вид источника, который создавался не сотрудниками государственных учреждений, а частным лицом.

Основная часть. В 80-х гг. XVIII в. в российском делопроизводстве закрепляется название «прошение». Термин используется для наименования искового заявления, не требующего судебного решения. Прощение передавалось через представителей местной администрации, в чьей компетенции находился проситель. С просьбой возможно было обращаться для решения личных или общественных дел. Прощение могло содержать как жалобу на незаконность каких-либо действий, так и прошение о помиловании, отмене вынесенного приговора, смягчении наказания. В начале XIX в. М.М. Сперанским была осуществлена реформа ведения дел в присутственных местах с описанием «обряда делопроизводства» и приложением форм документов [7, с. 105]. В делопроизводстве государственных учреждений XIX в. сложился определенный порядок составления прошений. С 1832 г. он во многом регламентировался законодательством, новыми узаконениями пополнялся в 1842, 1857 и последующие годы [8]. В организации делопроизводства в этот период предусматривалось не только его законодательная регламентация, но и появление достаточно обширной делопроизводственной литературы, так называемых «письмовников» – сборников образцов документов. В начале XIX в. сборники издавались на постоянной основе.

Все прошения и жалобы должны были быть написаны на гербовой бумаге, для просительских документов, подаваемых в нижестоящие инстанции использовалась простая гербовая бумага стоимостью 15 копеек, для прошений, подаваемых в вышестоящие инстанции – 90 копеек. Так, прошение на имя «Его Превосходительства Господина Варшавского Обер-Полицмейстера» было написано на бумаге стоимостью 70 копеек серебром, а «Господину Главному Начальнику Края и Виленского округа Кавалеру Кауфману» – в 1 рубль серебром [9, л. 51; 10, л. 37]. Согласно общепринятым правилам написания подобного рода документов, прошения начинались с обращения к адресату. Чаще всего использовались следующие формулировки: «Августейший Монарх, Всемилостивейший Государь», «Его Превосходительство Господин Министр Внутренних дел и Кавалер», «Его Высокопревосходительство Господин Главный Начальник Северо-западного края Генерал-Адъютант Константин Петрович фон Кауфман» [11, л. 31; 10, л. 33; 9, л. 41]. Далее в правом верхнем углу указывались сведения о просителе в следующем порядке (происхождение, звание, фамилия, имя, отчество). Во вступительной части обращения автор документа как правило коротко описывал обстоятельства. В окончании прошения следовала еще одна обязательная форма обращения: «имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Высокопревосходительства» [9, л. 41]. Помимо этого, важно было, чтобы «...писать в них самую истину и прямое дело; а лишнего ничего не примешивать», «писать об одном деле с другими не смешивать», «показывать в оных ясные свидетельства и обидам и улики, и писать прямые, важные и справедливые причины и крепкие доказательства» [12 с. 934], «в прошениях и жалобах никого не злословить, или укорять каким ни есть касающимся чести оклеветанием». Также отмечалось, что все прошения должны были быть написаны ясным языком, так как «грубый и нечистый слог отвращает внимание к доказательствам и содержанию самого дела» [13 с. 891].

Первые прошения участников восстания 1863 – 1864 гг. относятся к периоду пребывания их в специальных судебно-следственных органах: военно-следственных комиссиях, военно-судебных комиссиях, полевом аудиториате. Военно-следственные комиссии были созданы во всех губернских городах, к февралю 1863 г. в Вильно и Гродно, к марту–апрелю 1863 г. в Минске и Витебске, к маю 1863 г. в Могилеве [14, л. 1; 15, л. 1; 16, лл. 6, 120; 17, л. 14]. Такие же комиссии учреждались в большинстве уездных городов. Следственные комиссии вели предварительное расследование и занимались первичным рассмотрением дел повстанцев. Их деятельность была направлена на проведение допросов, установление виновных и вида наказания для повстанца, вынесение приговоров как обвинительного, так и оправдательного характера. Комиссии занимались рассмотрением поданных заключенными прошений о возможности перевода из острога в приют, о проведении очной ставки, о предоставлении «отпуска» для решения семейных, имущественных и бытовых вопросов [14, лл. 22 – 28об., 110, 112].

Массовые аресты привели к тому, что в Волковыске по приказу полковника Казанли в 1863 г. был занят частный дом Т. Щигельской, только потому, что он расположен наиболее близко к острогу. В нем под охраной содержались 44 человека [18, л. 127–128]. В городах была введена практика аренды повстанцами квартиры, где они находились под надзором жандармского офицера и полицейских [19, с. 52]. В размещении арестованных имели место случаи содержания их в палатках за городом [20, л. 16]. Минская православная духовная семинария вынуждена была переселить 80 воспитанников в частные дома и уступить 26 комнат для содержания арестантов [21, лл. 3, 10 – 11об., 17, 31]. В связи с данной ситуацией в следственные комиссии стали поступать прошения заключенных о возможности перевода их из казарм батальона внутренней стражи в богадельни по причине «совершенно расстроенного здоровья». Однако и эти учреждения были переполнены. Администрация могилевского приюта следующим образом попыталась разрешать ситуацию. Было предложено «разместить пять человек политических преступников в комнате, которую занимал караульный офицер, но так как в этой комнате не имеется решеток, то для отращения побега установить железные решетки» [22, л. 121]. Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии необходимых условий для содержания массового количества арестантов и бездействия со стороны следственной комиссии.

Генерал-губернатором М.Н. Муравьевым на территории белорусско-литовских губерний ставилась задача «расследования поступков всех лиц, которые участвовали в бунте в большей либо меньшей степени, непосредственно или опосредованно». Был отдан приказ «притянуть к ответственности также и тех обывателей, которые давали приют повстанцам, доставляли им хлеб, оружие и деньги» [23, с. 113]. В этой связи имели место аресты и задержания по письменным доносам и ложным свидетельствам. Подобная ситуация описана в коллективном прошении обывателей Иваницкого сельского общества Туринской волости, Игуменского уезда, Минской губернии, которое было подано на имя помощника главного начальника края, генерал-лейтенанта Н.А. Крыжановского: «освободить из под ареста дворянина Александра Иванова Карповича на коего возведено подозрение в сношении будто-бы с мятежниками, ... чему также служит доказательством, что он имеет взрослых сыновей и из них ни один не вовлечен в мятеж, тогда как в нашем уезде редко можно встретить шляхетский дом, откуда бы при таком большом семействе мужеского пола не вовлеклись в мятеж ... Возникшее на него обвинение есть клевета недоброжелательных к нему лиц...» [10, лл. 29 – 29об.].

Следующую группу составляют прошения участников восстания 1863 – 1864 гг., которые подавались в период отправки, транспортировки и содержания ссыльных в ходе следования к местам отбывания

наказания. В марте 1863 г. арестанты, следовавшие по Нижегородской железной дороге, в прошении выразили желание получать во время Великого поста рыбу. МВД признало «означенное заявление арестантов заслуживающим уважения и предоставило местным начальникам губерний сделать распоряжение о замене во время постов мясной дачи рыбной» [24, лл. 31–34].

Трудности пересылки к месту назначения описал в прошении крестьянин И.Н. Азиревич из д. Десковичизна Виленской губернии, который был выслан с семьей на водворение в д. Новоникольскую Усть-Тартасской волости Каинского округа Томской губернии. В октябре 1863 г. его маршрут этапирования проходил через Нижегородскую губернию, затем в 1864 г. на пароходе он был отправлен в Казанскую губернию и далее к месту назначения. Поскольку две дочери в дороге заболели (Кристина – 5 лет, Ева – 2 года), то подводы взяли для них, а вещи уже везти было не на чем. Далее подробно перечислялось имущество, среди которого указаны «четыре мешка, лопаты, четыре подушки, одна перина, ящик с двумя внутренними замками и третий висячий, там денег монетами сто пятнадцать серебром, брошь» [25, с. 227]. Крестьянин поверил уверениям местного руководства, что они могут ехать дальше, а вещи будут доставлены позже. В результате семья осталась без имущества и средств к существованию.

Пересылка в ряде случаев имела трагические последствия для семьи. Из прошения дворянина Минской губернии Игуменского уезда ок. Сутино Антона Михайлова Верниховского (на момент ссылки 67 лет) узнаем, что в ходе следования к месту ссылки в Томскую губернию «сын Франц умер в г. Таре Тобольской губернии, жена его Михалина, дочери Мария, Михалина и Аделия – сия умершая на месте ссылки; Константин, жена его Изабелла, дети сыновья: Гектор и Иосиф, да дочь Антонина, умершая на месте ссылки; Викентий холост умерший на пути в Нижнем Новгороде, Матвей холост» [10, лл. 33, 34].

Многочисленной оказалась группа прошений, которые касались вопросов назначения пособия от казны в ссылке. Система надления ссыльных пособием не была разработана к моменту прибытия участников восстания 1863 – 1864 гг. в Сибирь и создавала проблемы как для ссыльных, так и для местных властей. Сложности возникали в вопросе учета заработка и поступления денежных средств от родственников ссыльных. Так, с прошением к генерал-губернатору Западной Сибири обратился И. Пелиховский с просьбой назначить ему кормовые, так как из дома за шесть месяцев жизни в Омске не получал ни копейки. Тогда как Я. Гроховский, состоящий на жительство в Омске, получил от родственников 50 рублей серебром и тем не менее был недоволен отменой казенного пособия. На его прошение власти ответили, что на 50 рублей ссыльный вполне сможет прожить восемь месяцев, и лишь по окончании этого срока пособие будет возобновлено [26, с. 116]. Даже имеющие доход ссыльные с неохотой расставались с пособием. Администрация г. Омска столкнулась с многочисленными прошением о выделении им денежных средств подкрепляя свои требования невозможностью отыскать работу или недостатком средств, получаемых из дома. Часто прошения подавали непосредственно генерал-губернатору. Множество просьб вынудило его установить единый порядок их рассмотрения. Прощения в подлинниках должны были доставляться полицмейстеру, который докладывал бы их содержание генерал-губернатору во время утренних рапортов, а затем исполнял, согласно его личным приказаниям.

По прибытии к месту назначения ссыльные писали на имя местного губернатора прошения о назначении им «вспомоществования от казны». Последний со своей стороны, после установления имущественного состояния и иных источников дохода, способных обеспечить средствами к существованию ссыльного повстанца, обращался в Министерство финансов [27, с. 78]. В первые годы после восстания 1863 – 1864 гг. эти просьбы удовлетворялись. После чего соответствующему уездному казначейству направлялось распоряжение о выделении средств на выплату пособий. При этом лицам привилегированных сословий полагалось 6 руб. в месяц, всем иным – 1 руб. 50 коп. Помимо права получать денежное пособие, ссыльные могли пользоваться ссудой с разрешения губернатора. Она выдавалась «отдельным лицам, желающим заняться самостоятельно каким-либо ремеслом или производством». Размер ссуды составлял 55 руб. [28, с. 16].

В то же время другие ссыльные практически не имели никаких средств для существования. С просьбой о материальной помощи они обращались к властям, церкви, друзьям. Показателем относительно тяжелого положения ссыльных является следующий факт. Шляхтич Гродненской губернии Ян Верпаховский подавал прошение о назначении пособия жене, приехавшей к нему в 1868 г. «из-за неимения средств к жизни в Западном крае». Почти через год он вновь просил выделить пособие жене, так как «не токмо жену, себя не могу содержать» [27, с. 82, 128].

Ряд просительной документации относится к материалам о разрешении возвратиться на прежнее место жительства для решения имущественных и семейных вопросов. 10 декабря 1865 г. был объявлен именным указ, согласно которому лицам, высланным из белорусско-литовских губерний, разрешалось «для продажи и промена своих имений приезжать туда на определенные непродолжительные сроки» [29, с. 276–277]. Так, дворянин Лидского уезда Виленской губернии Я. Тубинский 24.05.1867 г. подает прошение о «временном приезде из Пермской в Виленскую губернию для продажи принадлежащего ему имения» [9, л. 41]. Циркуляр Департамента полиции от 1 сентября 1871 г. содержал порядок разрешения временного пребывания в Северо-Западных губерниях лиц, высланных оттуда по политическим причинам.

Основанием для поездки являлись дела, связанные с обязательной продажей или обменом имений, имущественные дела если их некому представлять, или свидание с родственниками в случае их тяжелой болезни или преклонного возраста, когда проезд невозможен [30, с. 473]. Время пребывания устанавливалось с учетом обстоятельств, но не превышало 6 месяцев, предусматривалось продление срока в исключительных случаях по решению министра внутренних дел и начальника Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Порядок получения разрешения был следующий: ссыльный подавал прошение об отпуске губернатору той губернии, где он находился под надзором, далее рапорт направляли губернатору местности, куда предполагал поехать ссыльный. В результате прошения удовлетворялось или ссыльный получал отказ на временное пребывание в Северо-Западных губерниях. Основанием для отклонения прошения был характер поведения и благонадежность просителя в месте ссылки и «не повлечет ли отпуск вредные политические последствия» [30, с. 473].

Участники восстания воспринимались членами семьи как случайные жертвы обстоятельств, системы наказания или как заложники собственной молодости и неопытности. Это привело к формированию определённой модели поведения членов семей ссыльных по отношению к репрессированным родственникам, предусматривающей постоянную помощь, покровительство, защиту перед властями. Пока Эдуард Высоцкий находился в заключении в Гродно, его мать Камилия Юльянова Высоцкая дважды обращалась с прошениями к военному губернатору Гродно и гродненскому гражданскому губернатору Ивану Николаевичу Скворцову: в декабре 1863 г. и январе 1864 г., – где указывала на то, что её сын «по молодости и легковерию» позволил ввести себя в заблуждение и был буквально «втасен в шайку», и умоляла освободить его из-под ареста под своё поручительство [31, лл. 5–5об.]. Прощения остались без ответа.

Через ходатайств родственников (родителей, детей, супругов) ссыльных в последующие годы была продолжена. Так, помещица Лидского уезда Виленской губернии Антонина Табеньская, жена мирового посредника Ярослава Табеньского, высланного на жительство в Пермскую губернию в г. Верхотурье в 1863 г. в прошении от 15.11.1865 г. ходатайствовала о переводе мужа в Воронежскую губернию ввиду «слабого здоровья и по совету врачей, тамошний климат для его очень вредный» [9, л. 41]. В прошении к императору от 05.03.1866 г. Доминик Антонов Верниковский, сын дворянина Минской губернии, Игуменского уезда, околицы Сутино Верниковского Антона Михайлова, ходатайствует о возвращении из ссылки отца с семьей на прежнее место жительства из д. Минина Усть-Татарской волости, Каинского уезда, Томской губернии и брата Верниковского Иосифа Антонова – из Оренбургской губернии [10, лл. 33–34об.]. Дворянка Минской губернии, Новогрудского уезда Юзефа Адамова Протасевич, дочь Бжезинского Адама, врача г. Новогрудка, коллежского асессора, высланного административным порядком на жительство в Пермскую губернию, в прошении от 08.02.1866 г. ходатайствует о возвращении отца и матери из ссылки, ввиду ее сложной жизненной ситуации, возникшей после ареста родителей «вскоре после того умерло у меня двое маленьких детей... Это неожиданное и горестное несчастье, в молодых моих летах так расстроило мое здоровье, что постоянно болею ... сжальтесь над моими родителями, сжальтесь надо мною страдающею женщиною, возвратите их на родину и тем хотя раз еще дозвоьте мне в этой жизни испросить у них благословения» [32, лл. 30–30об.].

Дворянка, вдова Свенторжецкая Олимпиада Иванова с дочерью Юзефиной (14 лет) «были признаны неблагонадежными в политическом отношении и вредными для пребывания в здешнем крае, генерал М. Муравьев определил отправить на жительство под полицейский надзор в Пермскую губ., с имения взysкать 10% сбор» [33, лл. 61об., 62, 74об., 90–92]. Её четверо дочерей – Мария (15 лет), Олимпиада (14 лет), Теодозия (12 лет), Эвелина (9 лет), остались под опекой родственников и обращались дважды с прошением к Виленскому военному губернатору К.П. Кауфману. В первом прошении от 15 сентября 1865 г. они ходатайствовали о пересмотре судебного дела их матери, во втором от 20.09.1865 г. – «об освобождении части имения от секвестра, а вместе с тем и освободить нас от платежа сбора назначенного для всего края, так как мы малолетние не имеем никаких средств к уплате сего» [34, лл. 308–309].

Налаживание новых социальных связей или их отсутствие изменяло отношение к окружающему миру, стали возникать ситуации, когда ссыльные подавали прошения о переезде в Сибирь своих семей или сами родственники заявляли о своем желании воссоединиться. Из прошения мещанки Змитрович Розалии из г. Минска военному начальнику Игуменского уезда, полковнику Сахорову: «так как оказалась в бедственном положении, без всякой помощи, ... муж просит меня по супружескому долгу для совместного с ним жительства», «просит об отправлении на счет казны вместе с пятью малолетними детьми к мужу сосланному на водворение в Томскую губернию». Генерал-губернатор разрешил выдать ей единовременное пособие в 25 руб. [35, лл. 93–95].

Многие прошения являлись коллективными, объединяя жителей двух и более деревень в общем желании покинуть место ссылки. В апреле 1869 г. к томскому губернатору обратились 19 ссыльных из числа участников восстания 1863 – 1864 гг., сосланных без лишения прав состояния в Дмитриевскую волость Мариинского округа с просьбой переселиться в Тамбовскую губернию. Десять участников восстания, которые были высланы в Верхне-Омскую волость Каинского округа, просили о разрешении переселения их в Симбирскую губернию. Подобные просьбы оставались без внимания, так как просители были высланы в Сибирь на постоянное жительство [26, с. 55].

Большое количество просительной документации касается земельных проблем и вопросов, возникших у ссыльных в связи с желанием основать колонию-поселение. Совместные и отдельные поселения ссыльных из Королевства Польского и белорусско-литовских губерний были образованы в пределах Тарского и Тюкалинского округов Тобольской губернии. В Седельниковой волости Тарского округа ссыльные совместно заселили деревни Вознесенку, Богдановку и Гриневицы. Поселок Урайский заселялся в 80-е гг. XIX в. ссыльными участниками восстания 1863 – 1864 гг. Основателями поселка стали семьи Бабицких, Гавелко, Константиновичей, Скуратовичей и Юшкевичей [36]. Ряд ссыльных семей являлись представителями шляхты из различных населенных пунктов Борисовского и Игуменского уездов Минской губернии. В частности, потомственными представителями шляхетского сословия были члены трех семей Скуратовичей, семей Антона Бабицкого, Адольфа Константиновича и Михаила Юшкевича. Из крестьян были представители фамилии Гавелко. Все семьи повстанцев были католического вероисповедания, кроме Бабицких, исповедовавших православие. В начале XX в. В.А. Скуратович от имени всех жителей пос. Урайского подал ходатайство в г. Санкт-Петербург с просьбой переименовать поселение в Минско-Дворянское. Прошение было удовлетворено. В переименовании поселка прослеживается желание закрепить как социальную, так и территориальную принадлежность, сделать ее признанной [37, с. 8–9].

Особое поле взаимоотношений создавали частые нарушения администрацией норм и правил надзора за ссыльными. Здесь имели место как недосмотр, так и попустительство. В результате ссыльные сами становились предметом конфликта различного уровня администраций. Так, в 1868 г. директору училищ Тобольской губернии пришлось оправдываться за то, что принял в гимназию учителем танцев ссыльного Н.А. Горовича. Директор писал, что «Н.А. Горович молод и слабо образован, поэтому не может оказывать вредное влияние на гимназистов. К тому же Горович имеет слабый слух. Этот физический недостаток делает невозможным ведение с ним тайных бесед, поскольку говорить с Н.А. Горовичем нужно очень громко» [38, с. 158]. Такие факты порождали бесконечные слухи об ужесточении или послаблениях, которые готовило правительство. Ссыльные, не имея точного представления о своих правах, подавали в администрацию многочисленные прошения.

В целом архивные материалы содержат скудные данные о занятиях ссыльных. В документах делопроизводства чаще всего фигурирует запись «Определенных занятий не имеет». В этой связи куда более полную и важную информацию дают прошения ссыльных о разрешении каких-либо занятий: «образовательной деятельности, медицинской и фармацевтической практики, промысла, столярного и кузнечного мастерства, торговли, писемоводства, приготовления колбасы и сосисок, крестьянских работ, услужения и частной службы». Спрос на некоторые виды работ со стороны ссыльных и предложения местных властей были несоразмерными. Из общего количества сосланных квалифицированные работы выполняли лишь единицы, и это, как правило, были те области, в которых губерния ощущала наибольший дефицит. Отсутствие спроса либо превышение предложений лишали заработка. Так, ссыльный А. Мицкевич, сосланный в Томск без права отлучки в течение 2 лет с места жительства и приписанный в томские мещане, в прошении от 1865 г. указывал, что не может найти работу «по случаю стечения политических преступников, число которых в городе доходит до 600 человек» [39, с. 135].

Уроки в домах местных чиновников и купцов давал каждый, кто имел такую возможность и был способен это делать. При этом официально они считались поварами или лакеями, а фактически были гувернерами. Интересное решение последовало на прошение ссыльного Н.В. Ковалевского о предоставлении ему возможности давать частные уроки, «...но если нет такой возможности, то по крайней мере игнорировать факт обучения одного-двух ребят, что дает единственно возможные для меня средства существования» [40, с. 51]. В ответ енисейский гражданский губернатор объявил, что «согласно изданным правительством правилам по надзору за государственными и политическими преступниками им строго воспрещается заниматься образованием детей, что же касается до просьбы игнорировать факт обучения ими детей, я вполне согласен оставить эти факты без всяких последствий до тех пор, пока не случится на это разрешения» [40, с. 52]. Преподавание детям горожан различных наук ссыльными создавало им возможность для более тесных контактов с городской элитой [41, с. 68].

Перебравшись на поселение в пределах Иркутской губернии, а именно в с. Наротовское Братской волости, Нижнеудинского округа, И. Петровский решил посвятить оставшееся в ссылке время медицинской практике. В этой связи он направил запрос в Петербургскую медико-хирургическую академию и получил свидетельство об окончании 4 курсов этого учебного заведения. Далее он подал прошение на получение официального разрешения выполнять обязанности сельского фельдшера. В этих целях он сдал экзамен для подтверждения своей профессиональной пригодности. Однако 23 октября 1870 г., не дождавшись официального разрешения из Министерства внутренних дел, которое пришло только спустя год, он приступил к выполнению служебных обязанностей [42, с. 293].

Вольная медицинская практика не всегда приносила постоянный материальный доход. Более стабильный заработок медики находили, устраиваясь в государственные медицинские и ветеринарные учреждения, аптеки. В 1865 – 1866 гг. наблюдалось увеличение числа прошений о разрешении поступить на

регулярную гражданскую службу по медицинскому ведомству. Все эти просьбы нашли понимание у местной администрации, но не получили поддержки в Петербурге. Прошение Ф. Климовича о поступлении в государственную медицинскую службу было поддержано положительным отзывом о профессиональных качествах просителя, подписанным 51 чиновником Главного управления Западной Сибири. Генерал-губернатор А.О. Дюгамель поддержал просьбу ссыльного, но МВД не сочло необходимым ходатайствовать перед императором. В 1866 г. из МВД последовал отказ Л. Ростовскому, который просил о назначении на государственную службу по военно-медицинской части. Отказано было на основании действовавшего высочайшего повеления от 25 октября 1865 г., которое запрещало принимать на службу офицеров и чиновников, уроженцев Королевства Польского и Западных губерний. Между тем, официально право поступать на государственную и общественную службу лица, освобожденные от полицейского надзора, получили только в январе 1874 г. [43, с. 158]. Приведенные факты свидетельствуют о содействии местной администрации ссыльным-медикам, которые принимали решение о трудоустройстве под свою ответственность, без одобрения центральных органов власти.

Заключение. Анализ прошений исследуемого периода, свидетельствует об их многочисленности и разнообразии просьб участников восстания 1863 – 1864 гг., с которыми те обращались к властям. Неопределенность правового положения ссыльных затрудняла процесс освоения социокультурного пространства, осложняя процедуру взаимодействия ссыльных с властями, местным населением и работодателями. Инициатива диалога с администрацией чаще носила односторонний характер и принадлежала ссыльным через обращение с жалобами и ходатайствами разного содержания: от прошения разрешить переехать семье в Сибирь до возможности продолжить образование в университете. Отсутствие унифицированного механизма регулирования взаимодействия ссыльных с властями создавало ряд трудностей как для одной, так и другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 296. Оп. 1. Д. 19–21.
2. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31252.
3. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31255.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 21.
5. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1713. Оп. 1. Д. 1.
6. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 378. Ap. 154. V. 775.
7. Юнаковская, А.А. Становление и развитие жанра «Письменное прошение» (на материале сибирских архивов) / А.А. Юнаковская // Жанры речи. – 2014. – № 1–2 (9–10). – С. 102–106.
8. Российское законодательство X–XIX вв. : в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1984–1991. – Т. 5 : Законодательство периода становления абсолютизма. – М., 1987. – 528 с.
9. LVIA. – F. 378. Ap. 154. V. 184.
10. LVIA. – F. 378. Ap. 155. V. 753.
11. LVIA. – F. 378. Ap. 155. V. 928.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание первое : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1649–1825. – Т. 13. – 1749 – 1753. – 957 с.
13. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание первое : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1649–1825. – Т. 16. – 1762 – 1764. – 897 с.
14. НИАБ. – Ф. 1418. Оп. 2. Д. 1.
15. НИАБ. – Ф. 3046. Оп. 2. Д. 3.
16. НИАБ. – Ф. 3257. Оп. 1. Д. 1.
17. LVIA. – F. 378. Ap. 154. V. 1802.
18. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31299.
19. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 3426.
20. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 542.
21. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1628.
22. Мендрин, Г.И. Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири / Г.И. Мендрин. – Томск : Томск. гос. ун-т, 1962. – 64 с.
23. Горбачева, О.В. Восстание 1863 – 1864 гг. и репрессивные мероприятия царизма в Беларуси / О.В. Горбачева // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja. – Kielce, 2005. – S. 111–118.
24. НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 223.
25. Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка : в 2 ч. / Дж. Кеннан ; пер. с англ. И.Н. Кашенцева. – СПб. : Изд-во Вл. Распопова, 1906. – 286 с.
26. Мулина, С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А.С. Мулина. – СПб. : Алетей, 2012. – 200 с.
27. Павлов, В.А. Губернские и уездные органы власти и политическая ссылка в Российской империи (на материалах ссылки в Казанскую губернию участников польского восстания 1863 – 1864 гг.) / В.А. Павлов. – Чебоксары : Новое время, 2006. – 254 с.

28. Кротов, М.А. Участники польского освободительного восстания 1863 – 1864 гг. в Якутской ссылке / М.А. Кротов // Поляки в Якутии : материалы науч.-практ. конф., Якутск, 19 сент. 1997 г. / Ин-т гуманитар. исследований АН Респ. Саха (Якутия) ; под ред. Д.А. Ширина [и др.]. – Якутск, 1998. – С. 7–22.
29. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830–1884. – Т. 39. – Отд. 1. – 1867. – 976 с.
30. Сборник циркуляров 1870–1871, с. 473 Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1870–1871 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1872. – 335 с.
31. НИАБ в г. Гродно – Ф. 1, Оп. 34, Д. 1264.
32. LVIA. – Ф. 378. Ар. 155. В. 791.
33. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 100.
34. LVIA. – Ф. 378. Ар. 155. В. 510.
35. LVIA. – Ф. 378. Ар. 154. В. 1752.
36. Крих, А.А. Судьба польских дворян в Сибири: смена этнической идентичности (например И.В. Скуратович) [Электронный ресурс] / А.А. Крих, И.В. Скуратович. – Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/pege.php?id=871>. – Дата доступа: 18.04.2014.
37. Крых, Г.А. Гісторыя пасялення Мінск-Дваранскае: засяцкавая шляхта з Беларусі ў сібiрскім Прыпытышы / Г.А. Крых, С.М. Токць // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3. – С. 4–17.
38. НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 240.
39. Никитин, В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней 1560–1880 г. / В.Н. Никитин. – СПб. : Тип. Г. Шварвард, 1880. – 675 с.
40. Скоробогатова, Н.Н. Адаптационные механизмы и практики польского населения Сибири в условиях принудительных переселений в XIX – XX веках / Н.Н. Скоробогатова // Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни : материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск–Тара, 8–12 авг. 2009 г. / ОмГУ им. П.А. Столыпина ; редкол.: С.А. Мулина (отв. ред.) [и др.]. – Омск, 2012. – С. 50–60.
41. Круссер, Р.Г. Народные массы Сибири в исследованиях политических ссыльных 70-х – начала 90-х гг. XIX в. : учеб. пособие / Р.Г. Круссер. – Кемерово : КГУ, 1989 – 80 с.
42. Śliwowska, W. Syberia w życiu i pamięci Giejsztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa / W. Śliwowska. – Warszawa : DiG, 2000. – 399 s.
43. Мулина, С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А.С. Мулина. – СПб. : Алетей, 2012. – 200 с.

Поступила 24.03.2020

PETITIONS OF THE 1863 – 1864 UPRISING PARTICIPANTS: AS A HISTORICAL SOURCE

E. SERAK

The article deals with the source potential of petitions of the 1863 – 1864 uprising participants. Using data from the funds of the National historical archive of Belarus, the NHAB in Grodno, and the Lithuanian state historical archive, we show an information resource of petitions for studying the interaction of the exiled 1863 – 1864 uprising participants with the power institutions of Russian Empire. It is noted that petitions form a sector of documentation that allows determining the order of consideration, submission and decision-making on the petition of the uprising participants and their close circle, taking into account the social and legal status of the uprising participants during the judicial investigation process and in exile. The article reviews the everyday life problems of the 1863 – 1864 uprising participants: resolving issues of changing the punishment, conditions of detention, marriage registration, providing the opportunity to graduate, to open Catholic parishes and schools. Attention is drawn to the procedure of submitting, reviewing and making a decision on the petition of the uprising participants and their close circle.

Keywords: *petitions, 1863 – 1864 uprising participants, Siberia, administration, regulation, funds, exile.*